

Пора (время-бытие). Лекция VII (31.10.1995). Часть 1.

Вначале Аристотель спрашивал как будто бы однозначно, на или-или: время считают или временем считают; и отвечал: первое. Потом, по мере смены аспектов, становится ясно, что и временем тоже считают во всяком случае с не меньше определенностью чем наоборот, и остается ясным, очевидным одно: время имеет отношение к мере. Феноменологически это безупречно ясно и очевидно: всякий раз когда речь или дело идет о времени, происходит отмеривание.

Кто что отмеривает? Естественно спросить и ответить как Августин: вещи отмериваются; отмеривает мой дух. Как будто бы сначала кажется, что и Аристотель, где говорит о спящих глубоким «летаргическим сном», для которых время стоит, не представляет себе время без сознательного регистратора, такого кого-то кто может же все-таки хоть вести счет. Поэтому производит действительно неожиданное впечатление, словно сам Аристотель только что проснулся и не совсем в курсе дела, когда в гл. 14, за страницы 2 до конца трактата (в котором всего 14 страниц) вдруг спрашивает: достойно присмотреться, и как всё-таки время относится к душе; пожалуй кто-нибудь встал бы в тупик, озадачился, будет ли, если не существует души, время или нет. Да ведь вроде бы уже решено что для времени должны быть, как переводит Карпов, «изменения в нашем мышлении». Понимаешь исследователей, которые советуют Аристотелю, что было бы как-то лучше, если бы он в конце концов определенно сказал, время продукт сознания или нет.

Из-за неожиданности этого вопроса в конце, нужна ли душа для времени или нет, взглядишься, пересмотришь что говорил Аристотель выше, и задним числом по-настоящему удивишься. Станет понятно и откуда у Августина неожиданное обращение к своему духу, *animus*: не возмущайся, не бунтуй, это *ты* сам считаешь время. Есть действительно куда таким декретивным, принудительным образом вносить определенность: у того, кого Августин имел как авторитета, прежде всего Аристотеля, здесь был скорее вопрос чем ответ. В самом деле: «Если не замечать существования времени нам приходится тогда, когда мы не отмечаем никакого изменения и душа кажется пребывающей в едином и нераздельном, а когда *αἰσθῶμεθα καὶ ὀρίσωμεν* (ощутим и определим, 218b 32), говорим, что время протекало, то очевидно ...»

Какое ожидается продолжение. Связаны сдвиг, его ощущение-определение и время и подчеркнуто, что когда мы не ощущаем-определяем сдвига, то для нас нет времени. Вывод: времени нет без души.

Вывод Аристотеля: «... то очевидно, что время не есть без движения и изменения».

Это к вопросу прошлого семинара об аристотелевском силлогизме как технике научной мысли, строгом искусстве, которое как новая сила встало рядом с интуитивной, недоказуемой мудростью ранней философии. Попробуем построить силлогизм.

Для того, чтобы ощутить что-то, требуется изменение в душе.

Мы не замечаем времени, когда нет изменения в душе.

Следовательно: Августин делает вывод как строгий объективный ученый, времени нет без ощущения, без работы духа. Вывод Аристотеля как раз с точки зрения строгой научности кажется субъективным, или хуже, субъективистским; раз мы не ощущаем времени, когда нет изменений в нашей душе, то времени нет без движения, изменения. Как раз ощущение души допущено — интимное, субъективное? — но это наш язык — доказывать то что есть вообще, а не в «сознании». Эстетика (в том смысле как мы ввели этот термин, чувство) это онтология, потому что догматического отделения бытия от души еще нет.

В гл. 12 дважды назван ряд «следующих», или «сопутствующих», или «сопровождающих»: ἀκολουθέω (от κέλευθος *путь, дорога*) провожаю, иду за кем, слушаюсь кого, сообразываюсь, согласуюсь; ἡ ἀκολουθος служанка, а ἀκολουθῶς согласно с чем. Это слово давно было взято в философию; мы у Парменида читали в значении порядка, закона, да еще какого: каменного жесткого, громадного. *День и ночь* у Парменида, они у него как две стороны мира, и соответственно начало времени, и не обязательно (не зря мы говорили о *другом* счете времени) совпадающее с движением Солнца, потому что в *дне* и *ночи* Парменид заглядывает дальше видимой солнечной системы в то — мы говорили об этом в «Чтении философии»^{1*} — что современная физика старается уловить в понятии «мировых констант», — *День и Ночь* имеют свои «дороги» (вот эти, по которым «следуют») и «ворота дорог», πύλαι κέλευθῶν

объемлемы прочно

Сводами наверху и порогом каменным² снизу ...

Сами же — в горнем эфире — закрыты громадами створов,

Грозновозмездная Правда ключи стережет к ним двойные.

В «следовании», о котором говорит Аристотель, есть эта жесткость «дороги» как закона. В ряду «следующих» у Аристотеля на первом месте величина, я приводил противоположные примеры: безмерной величины, величия, неба, и безразмерной величины, точки. Одинаково обе эти крайности, полярные величины, что за ними жестко «следует» движение, которым и они захвачены и нас захватывают — как сказать, втягивающее или захватывающее движение, которое нас задевает, если мы не анестезированы: небо задевает по-всякому, у Гумилева есть стихотворение «Звездный ужас», но и точка: есть ли она, может быть ее нет, как ее фиксировать, и оказывается ее фиксировать невозможно как для точечного Ахиллеса невозможно поймать точечную черепаху, она постоянно вывертывается, ускользает в таком же необходимом или неизбежном движении как небо. — За величиной всегда, непременно следует движение. — А что, разве величина не может быть в покое? разве не может быть статической точки?

Может у Аристотеля. Но неподвижность, так сказать, еще более

^{1*} См.: В.В. Библихин. Чтение философии..., II 3.

² «Камень» старое название строгого закона.

странна чем движение и задевает опять же этим, — а почему не движение? что случилось, что сдвинулось, что движения нет? В каком-то смысле покой хоть и не движение, но *сдвиг* ничуть не меньше движения.

Если за величиной идет движение так, что величина всегда в сдвиге, то за сдвигом время следует так же обязательно, но — все-таки с оговоркой, — тогда (только) следует, и через то следует, или ввиду того следует (там инструментальный датив с широким очень значением, в рус. переводе он сужен до «вследствие того»), что есть количество, слитность и раздельность. Если вы помните, в формальной (логической) теории математики всё математическое сводится — в «логицизме» — к конструкциям из только трех исходных, они формулируются по-разному, например базис (у раннего Фреге): импликация (у Аристотеля соответствие сцепленность, переводится немного неточно «непрерывность»), отрицание (аристотелевское разделение) и обобщение (аристотелевское «сколько», или «количество»). И вот когда эта база вводится, «из-за того что есть, существуют *ποσά*, *συνεχί*, *διαίρετα*» (220b 26), т.е. начала счета, исчисления, за сдвигом, при наложении счета на сдвиг начинается время.

Или еще проще, еще яснее: «Через то, что величина такая вот, со сдвигом случается вот что [букв. вот что претерпевает сдвиг], а через сдвиг — время [т.е. тоже «вот что претерпевает»]»^{3*}. Вместо перечисления трех базовых моментов исчисления, «сколько», «сцепка», «разведение», можно говорить просто — мера. Быть во времени это значит что бытие сдвига (бытие, мы помним, у Аристотеля значит глагольное, вот такое сейчас и такое потом конкретное существование, что случается, что получается с тем что находится в бытии) — быть в истории значит что бытие сдвига измеряется, или к бытию сдвига, т.е. к тому, какой он и что с ним происходит, примериваются.

Значит должен быть кто-то — субъект — примеривающийся? Или «мера» всё равно будет, и без измеряющего, просто потому что всякий сдвиг имеет меру? Тогда не надо субъекта?

Всякий ли сдвиг имеет меру? А безмерное, как небо? а безразмерное, как точка? Не ускользнут ли они, не вывертываются ли так, что их мера тоже ускользает?

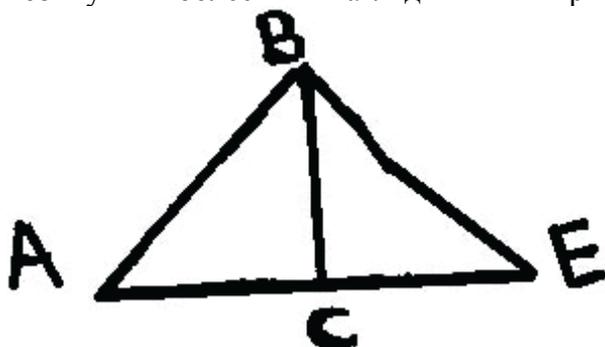
Да, конечно, *собственная* мера вещей, которая софия и автомат, настоящий, т.е. совсем без кнопок, не поддается, — как бы она могла открыться, если она всё сама открывает, — и из-за этой неуловимости меры, а не из-за того что Аристотель не хочет определенности, у него остается ясным только одно, что мера есть, но *как* мы схватим эту меру, то ли ее измеряя, то ли ею измеряя, вводя свою малую уловную автоматизацию, или условно принимая солнце и луну или еще что за автомат, — это уж, мы говорили, как у нас получится; Аристотель тут и оставляет нам свободу, и заранее знает, что это так сказать творческая свобода: что мы сотворим тут, ходя вокруг собственной меры, в меру собственной веры, или что натворим, — то для нас и будет; Бог тут нам

^{3*} Ср.: Аристотель. Сочинения..., т. 3, с. 151.

ничего не продиктует кроме того, что *должна* быть граница, предел, закон, «дорога», камень, строгость, но не так, что мы должны выбрать мифо-логическое, или астрономическое, или космическое, или биологическое время, или время войны добра со злом.

Если бы в мере времени была угадана суть самих вещей, тогда быть *во времени* значило бы существовать когда существует время. Этого вроде бы мало. Оттого что что-то можно замерить временем, оно тоже этим включается во всеединство, где все вещи по-своему каждая равны? Этот вопрос и мы уже давно задаем себе, уже несколько лет. Настоящее, которое вот теперь, оно от этого уже и есть настоящее? У нас до сих пор, и у Аристотеля тоже, решительно и однозначно ответить не получается; я обращаюсь к вашему ощущению и думаю, что вы как я или как составители словарей видим разницу между настоящим и настоящим и чувствуем дурацкую наивность, если кто хватается за новенькое и свеженькое, последнего момента — и в то же время мы чувствуем, что в этой самой глупой наивности и одна простая принадлежность к времени что-то дает. Но вот что? скажите мне.

То что настоящее расслаивается, Аристотель показывает на геометрическом сравнении. Он берет пример точки, но это для своего времени и для своих студентов, прошедших античную математику и очень чутких к проблематике бесконечности, с умом еще не повернутым к операциям с бесконечностью: бесконечность в обе стороны, и в малую тоже, для античности неприступна, — как она на самом деле по-честному и есть, — и в точке они были более склонны видеть проблему чем мы. Я возьму более наглядный пример. В треугольниках

одна сторона общая, BC, это одна линия, но она расслаивается, или по Аристотелю она одна как линия, но по бытию разная, по тому как она *есть*: она есть или в треугольнике ABC, или в CBE. Посмотрите и увидите: BC явно принадлежит левому треугольнику и так же явно правому. Так же «настоящее», оно и совершенно одно и расслаивается на прошлое и будущее и тогда становится неуловимым: мы хотим его схватить, но оно то ли уже только что было и пролетело, то ли еще не наступило и будет, и в этом смысле ненастоящее, да просто его вообще нет.

Настоящее имеет свойство границы, одновременно и неделимо цельно одно и выбрасывает из себя аспекты.

Или еще проще, пример из таких, каких было несколько при чтении Витгенштейна. Граница , я вам говорю, описываю, едва сдерживает напор масс справа и почти проламывается влево от давления оттуда справа, и по крайней мере ясно что она накрепко связана с правой

стороной. А теперь нет, посмотрите: на самом деле она под давлением массы слева и едва не проламывается вправо. А ведь она одна и та же. Свойство границы быть именно одной и двумя сразу. «Разделение и единение — то же и в том не, а бытие [глагольное понимание бытия, τὸ εἶναι, как действие или как участие] не то же (самое)». — И заметьте между прочим, что граница, разделяющая, связывает правое и левое так, что нигде они друг с другом не сталкиваются, не сходятся так тесно как в этой границе.

Контрольный вопрос: а кто ее выставил, границу, в этой черте или в настоящем, в моменте времени, в τὸ νῦν?

Не я. Она сама себя. Ведь я сделал просто какую-то мазню мелом, это *вы* изволили увидеть (я правда еще произнес какие-то колебания воздуха) границу, или еще вернее она сама воспользовалась минимальной зацепкой в виде грязи мелом и немногих колебаний воздуха, чтобы прочно утвердиться, прописаться среди нас. Она заставила ваши глаза увидеть себя. В самом деле, почему вы не запротестовали, почему не сказали что это просто какой-то мел на доске, не потребовали, что если я действительно хочу изобразить границы, то должен был хоть не мелом бы ее рисовать, а построить в бетоне и кирпиче?

Так же и «настоящее» в потоке вещей само откуда-то берется, заставляет себя признать, увидеть как границу. Как-то само оно напрашивается, с этим своим парадоксальным свойством, одновременно связывать и разделять.

Флоренский сравнивает, что термин т.е. граница похож на человека, который стоит *очень* ровно, т.е. непрерывно и в одинаковой мере падает то в одну то в другую сторону и из каждого падения успевает возвратиться падением в другую сторону. Граница только кажется прочной надежной, на самом деле это напряжение, вибрирование, и чем отчетливее граница, тем больше и тоньше и напряженнее вибрация. Вокруг границы скапливается энергия. Термин «неподвижно стоящий предмыслию... на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности». Только вот *ее* ли. Не *сама* ли граница даже и независимо от мысли собирает на себе внимание. Например на таможне может вообще не быть никакой мысли, но напряжение всё равно. Не от напряжения мысли формируется отчетливая границы, а строгая граница просто сама есть, мысль только подтягивается, если ей повезет, к строгости границы, и так называемая «философская мысль», рыхлая (как и выражение «философская мысль» само уже рыхлое, растекающееся, склоняющее попустительски дозволить еще какую-то нефилософскую мысль или философию, но без мысли), как раз в отношении к границе далеко отстает от дисциплины военного, который никогда не воображает себе будто это он своей мыслью измыслил границу, или ей далеко до цыганского табора, который по-настоящему и страшно большой ценой платит за право не признавать границу, а «философская мысль» откладывает расплату на потом.

Граница — а настоящее это граница — существует настолько сама, независимо, что я вас всерьез спрашиваю, нужна ли ей вообще зацепка,

вроде черты мелом или бетонной стены, чтобы она дала о себе знать. Представим что нет не только часов, чтобы показать на них сколько времени, но нет солнечных и лунных и звездных часов, они допустим остановились, как Иисус Навин всё это остановил и держал остановившимся сколько надо было. Т.е. не будет всех этих привычных отметок времени. Тогда время, как его видит Аристотель, остановится?

Не остановится, и почему?

О первом почему говорилось: что время число движения, ритм сдвига, ἀριθμὸς κινήσεως, было сказано только при первом приближении, а когда стало ясно что покой это не провал движения. О том что дело вообще не в движении и что покой и движение это пара, полюса чего-то еще другого, много говорилось в курсе «Энергия», я попрошу прочесть то что говорится о покое еще в других местах, в III 2 «Физики» например. Я только поясню на примере, почему движется и то что не движется. Скажем когда полководец Израиля поднятием рук держал, с помощью создателя всего, небо неподвижным, то это ведь опять была неподвижность границы, по Флоренскому «напряжение», да еще какое: не так что всё в мире стало зевать и ждать бездеятельно, когда солнце снова двинется, а всё было взвинчено и взвешено как никогда, словно заведенная пружина. Покой имеет эту страшную силу невидимо взводить пружину — напряжение — действия, и перводвигатель у Аристотеля сам не движется, но не от недостатка, а для того чтобы этим своим покоем гнать в движение всё на свете. — Или другой мой пример, когда среди говорения наступает молчание, например объявляется по всей стране минута молчания, или вообразим больше чем минута, предположим невозможное, что журналисты, их огромная армия, сумели молчать целые сутки, это конечно совершенная фантазия, они полны крика, если не печатного, то умственного, ежесекундно, — то время не остановилось бы и страна вовсе не погрузилась бы в ленивый сон; представим еще совершенно уж невозможное, что на место умолкнувшей армии журналистов не пришла бы мгновенно другая и весь народ, видя неожиданное молчание телевидения и газет, не стал бы заполнять спешным говорением, — молчание. Не только молчание целой страны стало бы криком на целый мир, но оно бы и взвело, наполнило бы изнутри из себя энергией новую речь. Вместо «числа» движения Аристотель скажет «мера», а вместо «движения» — «движения и покоя», ὁ χρόνος κινήσεως καὶ ἡρεμίας μέτρον, 221 b 22–23^{4*}.

Смотрите что получается: когда движение прекратится, то покой будет сам именно без движения таким *вызывающим*, не только движение вызывающим, а просто в высшей степени вызывающим, что угодно — в том числе и время: время не просто *будет*, а будет как совсем новое начало. Оно поэтому просто *не может* никогда прекратиться. Когда мы читаем у Аристотеля, «движение есть вечно» (напр. 222 a 30), то не надо тупо понимать это как Энгельс понял и от Энгельса диалектический материализм, что атомы будут всегда по-своему шевелиться и соответственно счет времени — как мы читали в справочнике — по столетиям и тысячелетиям будет длиться вечно, а по-аристотелевски: что

^{4*} См.: Аристотель. Сочинения..., т. 3, с. 153.

всё движение может быть вобрано внутрь начала, двигателя, в покое которого *ничего* не будет двигаться и именно поэтому всё будет заряжено невидимым, немислимым — *не движением даже*, а чем угодно. В том покое двигателя и время станет чудным. «Каким будет движение, таким и время: если оно когда-нибудь станет таким же точно и единым, и время будет одним и таким же точно...» — каким единым? таким каким мы не знаем и знать и представить не можем, уж конечно не в виде тупого вечного продолжения тысячелетий и тысячелетий. Очень спокойно может *там*, в этом немислимом, и время повернуться наоборот. Никакой фантаст никогда не поднимался в своих воображениях машины времени до того покоя, невозмутимого, само собой разумеющегося, с каким Аристотель говорит: «из вещей, охваченных временем, одно было, как Гомер когда-то был, другое будет, как из хотящего быть что-то, смотря в какую сторону простирается время, и если в обе, то вместе и было и будет»^{5*}. Т.е. что время не *пойдет*, а *уже идет обратно* в сторону Гомера, и будет то что было в начале, это для Аристотеля не дело гипотезы или гадания, а он просто спокойно допускает, что мы не знаем куда движется время. Мы на свой риск как умеем его мерим, но единственно знаем только, что оно всегда стоит перед нами как граница, как настоящее, и его остановка это его начало, а его непрерывное движение это его остановка, и «подобно кругу, который в одном и том же [месте] и выпукл и вогнут, и время всегда начинается и кончается. Поэтому оно и кажется всегда различным: ведь *теперь* служит началом и концом не одного и того же, иначе в одном и том же сразу окажутся две противоположности. И оно никогда не прекратится, потому что всегда начинается»^{6*}. Теперь мы можем понять это место.

^{5*} Ср. там же, с. 154.

^{6*} Там же, с. 155.